

★ **Георгий САВИЦКИЙ** ★

ТАНК **«Иосиф Сталин»** **ИДУ НА ПРОРЫВ!**

Операция «БАГРАТИОН»

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Георгий Савицкий
Танк «Иосиф Сталин».
Иду на прорыв!

«Яуза»

2014

Савицкий Г. В.

Танк «Иосиф Сталин». Иду на прорыв! / Г. В. Савицкий —
«Яуза», 2014 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

К 70-летию легендарной операции «Багратион»! Новый фронтовой боевик о подвигах советских танкистов. Красная Армия ломает хребет «непобедимому» Вермахту «десятью сталинскими ударами». И первыми на прорыв идут новейшие тяжелые танки «Иосиф Сталин». По машинам! Задраены люки, набирает обороты могучий 520-сильный дизель, в казенник самого мощного в мире 122-мм орудия вложен снаряд и гильза с пороховым зарядом, закрыт массивный затвор, надежно работает рация, а оптика прицелов впервые не уступает цейсовской. Вперед!.. Тяжелые танки ИС-2 против «Тигров», «Фердинандов» и «Пантер»! Гвардейские танковые полки прорыва против эсэсовских панцер-дивизий! «Сталинский блицкриг» сокрушает оборону Вермахта!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Георгий Савицкий

Танк «Иосиф Сталин». Иду на прорыв!

Пролог

Немчура поперла густо!
Чтоб им, сукам, было пусто!
Но не дрогнули коленки —
Бронебойный подавай!
Мы отварены не всмятку,
Значит, будет все в порядке.
Выстрел! Вот уже дымится,
Чуть назад и заряжай!
Год уже не сорок первый.
Мы дадим ответ конкретный,
На немецкую гармошку
Наш советский контрабас!
Мы устроим фрицам шорох!
Зацепились за пригорок,
Нас отсюда не подвинуть
и не выковырнуть нас!
Это вам не Подмоскowie,
Где мы истекали кровью,
Нынче «ИС» стоит горою,
Да и «ганс» уже не тот.
Робко жмутся у низины
Три немецкие машины.
Вот один нашелся смелый,
Подставляет правый борт.
Выстрел! Снова попаданье!
Быть наводчику с медалью!
Мы в ответ словили «плюху» —
Слава богу, рикошет.
Мы тебя, «Иосиф Сталин»,
После боя подлатаем,
А пока держись, родимый,
Здесь для нас замены нет!
Подошли «тридцатьчетверки»,
Щас пойдут другие «терки»,
Там совсем другая скорость,
Мы прикроем их огнем!
И для полноты картины,
На броню своей машины
Пару звездочек красивых
После боя нанесем!

Алексей Матов

Стальной зверь притаился в густом подлеске у дороги. Это направление было одним из главных, по которому «Иваны» вели наступление. Леса и болота существенно ограничивали маневр бронетанковых сил. И теперь, к вящей радости генералов и прочих полководцев рейха, «Der Russische Blitzkrieg» отчаянно буксовал. А помогали этому как раз такие бравые парни, как экипаж оберлейтенанта Клауса Вайса. Пятеро парней были уже опытными вояками, прошедшими огненный ад сокрушенной «Цитадели» и чудом вырвавшимися из окруженного русскими Киева.

Теперь они отчаянно дрались за каждый километр откатывающегося на запад фронта.

Дорога, подле которой замаскировался танк, считалась второстепенным направлением, но все же русским деваться было некуда – они просто обязаны использовать даже такой разъезженный проселок. Тем более что их Т-34 не в пример проходимее и маневреннее, чем основная сила панцерваффе – средние танки «Pz.Kpfw IV» всех модификаций. Хотя почва тут – одно название: топкая болотистая местность, скользкий суглинок, предательские речушки и луговины...

Даже их «королева поля боя» – «Panzer-kampf-wagen-V Panther» модификации «Ausführung-A» на своих относительно широких гусеницах едва добралась сюда. И это при том, что сложная ходовая часть танка с «шахматным» расположением опорных катков конструкции инженера Книпкампа обеспечивала не только хорошую плавность хода, но и более равномерное давление гусениц на грунт. Целую ночь пятеро солдат панцерваффе оборудовали и маскировали позицию. Конечно, нормальный танковый окоп в плотном глинистом грунте вырыть почти что невозможно. Но все же хоть какая-то защита. Маскировка тоже была практически идеальной. Опытные вояки знали цену немецкой поговорки «Пот экономит кровь»!

Занималось утро, белые космы тумана выплывали из болотистых низин и плыли над лесом. Вековые дубы и сосны стояли в величавом безмолвии, и ни один листок, ни единая хвоя не шевельнулась. Солнце, поднимаясь, освещало верхушки деревьев, но здесь, под пологом леса, все еще было сыро и сумрачно. Командир «Пантеры» зябко поежился, тяжелая капля росы упала ему за шиворот черного мундира с розовыми петлицами и кантом панцерваффе.

Вскоре после рассвета на дороге послышалось характерное клацанье, лязг гусениц и рев моторов. Эти звуки нельзя было спутать ни с чем: русские «тридцатьчетверки» ранних выпусков не имели резиновых бандажей на опорных катках ходовой, поэтому и создавали такой лязг и скрежет.

Вот головной танк Т-34 образца 1942 года с башней – «Микки-Маусом» показался из молочно-белых клубов тумана. Вначале из мглы выдвинулся стальной хобот 76-миллиметровой пушки, потом – лобовая часть машины вместе с обтекаемой башней. Белые клубы тумана стекали по наклонной броне самого массового танка Советов, уже ставшего символом несокрушимой технической и военной мощи огромного и могучего государства. Промышленность СССР могла выпускать **двадцать тысяч (!) таких машин в год!**

Но, разумеется, рядовые танкисты вермахта и Ваффен-СС этой убийственной статистики не знали. Иначе как воевать-то?.. Да и зачем?..

Что касается экипажа «Пантеры» под командованием оберлейтенанта Клауса Вайса, то они намеревались подбить несколько русских танков и благополучно уйти по заранее подготовленной тропе, пользуясь замешательством противника.

Вот уже головная «тридцатьчетверка» вписалась в поле монокулярного прицела «TZF-12A».

– Der Panzer in Ziel! – Танк в прицеле! – Наводчик «вел» цель, сопровождая ее длинным, пятиметровым хоботом смертоносного 75-миллиметрового орудия «KwK.42».

– Nach laden! – Заряжай! – скомандовал оберлейтенант Вайс.

– Яволь! – тут же отозвался заряжающий, забросив унитарный выстрел с подкалиберным снарядом «Pzgr.40/42» и закрыв клиновой затвор. – Feuer bereit! – Готов к открытию огня!

– Feuer! – Огонь!

Наводчик грохнул ногой, и включенный непосредственно в электрическую цепь затвора орудия чувствительный индуктор выдал напряжение на электрозапал.

Грохнуло 75-миллиметровое изделие фирмы «Рейнметалл-Борзиг», от отдачи «Пантера» содрогнулась всем своим стальным «телом». Двухкамерный дульный тормоз и противооткатные устройства погасили чудовищное усилие.

В панорамный цейссовский прибор командир «Пантеры» увидел, как в наклонном лобовом листе брони «тридцатьчетверки» образовался жуткий пролом! Конечно, рациональные углы, под которыми были сварены бронелисты основного русского танка, давали существенное преимущество из-за возможности рикошета. Но большой люк механика-водителя и шаровая установка курсового пулемета существенно ослабляли лобовую бронедеталь. Да и качество сварных швов не всегда было достаточно высоким. А чего еще можно ожидать от валового производства, на котором заняты женщины, старики и дети? Русский Т-34 был обречен.

Вслед за вспышкой выстрела из дула танковой пушки выдуло под избыточным давлением пороховые газы. Механизм продувки ствола делал боевую работу экипажа «Пантеры» гораздо комфортнее, уже не было опасности угореть в танке от пороховых газов, скапливающихся после стрельбы.

Оберлейтенант Вайс корректировал огонь своего наводчика:

– Oder 30 nach links! – Тридцать градусов влево!

– Jawol ja! – Есть! – Башня разворачивается влево на указанные командиром градусы. Ствол орудия принимает указанный угол возвышения, в зависимости от дистанции. При этом окулярная часть прицела оставалась неподвижной, а отклонялся только его объектив. Это было очень удобно для наводчика.

– Feuer frei! – Огонь!

– Abgefeuert! – Выстрел произведен!

– Der Panzer treffen! Zer gut! – Танк подбит! Очень хорошо!

Второму Т-34 немецкий подкалиберный снаряд ударил в самое уязвимое место – подскос башни. Сила удара была настолько велика, что башню развернуло и заклинило! А через мгновение обреченная «тридцатьчетверка» превратилась в извергающийся вулкан! – видимо, сдетонировали снаряды боеукладки. Башню окончательно сорвало с подбашенного погона и отбросило метров на пять от искореженного чудовищным взрывом остова...

«Пантера» огрызалась карбид-вольфрамовыми клыками бронебойных и подкалиберных снарядов расчетливо и точно. А люди в ее бронированном нутре работали четко и расчетливо, как на конвейере. Лесной проселок уже был перекрыт остовами четырех сгоревших русских танков. Остальные пытались неуклюже маневрировать, но и этим бронированным великанам было слишком тесно здесь. Русские 76-миллиметровые пушки крушили подлесок, взрывы выворачивали с корнем средней величины деревья. Но толку от этого было мало. Наоборот, вздымающиеся фонтаны грязи, воды из болота, рушащиеся стволы деревьев и вовсе закрывали обзор.

А у экипажа «Пантеры» было огромное преимущество в качестве прицелов и оптических приборов наблюдения от знаменитой фирмы Карла Цейсса.

Еще один Т-34, неуклюже разворачиваясь, подставил борт, который тотчас же пробила «болванка» почти в семь килограммов весом. Это был бронебойный трассирующий снаряд «Pzgr.39/42», и он не оставил русскому танку ни единого шанса.

– Zer gut! – Очень хорошо! – снова воскликнул оберлейтенант Вайс. Основная часть плана выполнена: в пять погребальных костров обратились русские «тридцатьчетверки».

Нужно было уже подумать и о смене позиции. – Feuer stopfen! – Прекратить огонь! Stellungswechsel vorbereiten! – Приготовиться к смене позиции!

И тут произошло невероятное.

Сквозь дым и пыль на дороге среди разгромленной русской техники появился не совсем обычный силуэт танка. Наводчик, да и сам Клаус Вайс не могли опознать его среди заученных силуэтов русских и союзных машин.

– Zum Teufel! – К черту! Если это новый русский танк, то гореть он будет так же, как и старые!

– Feuer! – Очередной 75-миллиметровый снаряд ударил в правую оконечность лобового бронелиста, ближе к сварному шву.

Но русский бронированный боец стойко принял этот сокрушительный для любого другого танка удар в «скулу». Повезло: попадание пришлось под углом. Оно хоть и вырвало изрядный кусок металла из толстой «шкуры» русского танка, но экипаж чудом уцелел. Русский танк содрогнулся от удара всем своим бронированным корпусом, но продолжал упрямо ползти вперед. Однако, в отличие от великого русского гуманиста, танк и не собирался подставлять другую щеку! Вместо этого он легко отбросил горящие останки развороченной взрывом «тридцатьчетверки» и пошел прямо на противника. Огромный, больше «Пантеры», русский тяжелый танк пер вперед. Еще один бронебойный снаряд расплескал грязь у левой гусеницы русского танка – наводчик «Пантеры» на этот раз сплеховал, одно дело – расстреливать из засады практически беспомощные перед крупновской броней и орудием «тридцатьчетверки», и совсем другое целиться в прущего на тебя стального монстра Страны Советов!

Вот массивная обтекаемая башня неведомого танка развернулась, и пятеро немецких бойцов панцерваффе заглянули в мертвенно-черный зрачок огромного дульного среза, увенчанного «короной» дульного тормоза. В следующий момент дуло орудия русского танка озарилось ярчайшей вспышкой. Сверхмощный снаряд весом в четверть центнера ударил по башне «Пантеры», скорость его вылета из ствола составила восемьсот метров в секунду, что имело весьма плачевные последствия для «Panzerkampfwagen-V Ausf-A».

Словно былинный богатырь мечом смахнул бронированную голову кровожадной немецкой «кошке»! Второго выстрела не последовало: когда рассеялся дым, перед исполинским русским танком замерла «обезглавленная» «Пантера».

Глава 1

Тяжело в ученье...

Это была кошмарная, жуткая несправедливость – его, боевого офицера, опытного танкиста, закаленного в огне грандиозной Сталинградской битвы, снова отправили в тыл! Гвардии лейтенант Степан Никифорович Стеценко был вне себя от негодования.

Это случилось после того памятного боя с танками фельдмаршала Манштейна, возле реки Мышковы. Знаменитый командующий вермахта торопился на выручку другому фельдмаршалу – в осажденный нашими войсками Сталинград. Двенадцатого декабря 4-я танковая армия генерала Гота, часть соединений которой были срочно переброшены из Франции, пошла в наступление из района Котельниково, примерно в двухстах километрах юго-западнее Сталинграда. Им навстречу устремились «тридцатьчетверки» и могучие тяжелые танки «Клим Ворошилов». А также – и более скоростная и маневренная их модификация – KB-1С. Краснозвездные «летающие танки» – штурмовики Ил-2МЗ и пикирующие бомбардировщики Пе-2бис неотразимыми ударами с неба громили стальные крупновские клинья новейших немецких танков генерала Гота – «Pz.Kpfw IV Ausf J» с длинноствольными 75-миллиметровыми пушками.

Стальная советская лавина в воздухе и на земле столкнулась с отборными немецкими частями. И гвардия Страны Советов подтвердила свое высокое звание, разгромив войска фельдмаршала Манштейна!

Гвардии лейтенант Стеценко, бывший механик-водитель, теперь сам командовал «тридцатьчетверкой» и сжег в бою при реке Мышкове три новейших немецких танка «Panzer-IV-J».

Теперь – только наступать и наступать! Командование Красной армии готовило ряд сокрушительных «сталинских ударов» на всем протяжении немецкого фронта. Войска готовились освобождать Новороссийск и Кавказ, Советскую Украину и Белоруссию. На огромных заводах жарко пылали доменные и мартеновские печи, рождая рукотворные огненные реки высококачественной стали. Натруженно гудели массивные прокатные валки станов, выпуская листы брони. В бесконечных цехах собирали новейшие модификации танков и самолетов, производили миллионы единиц автоматов ППШ и винтовок, пулеметов и пушек, сотни миллионов гранат, патронов, снарядов, тысячи тонн взрывчатых веществ. Все это должно было стереть с лица Земли гадину гитлеровского фашизма!

Но всей этой мощью управляют люди. Ошибочно думать, что только промышленный потенциал определяет военную мощь. Великий гуманист и отважный военный летчик, вынесший тяжесть нападения на Францию и погибший за нее, был абсолютно прав: мы живем на планете людей, в мире людей.

Для овладения всей, практически необъятной мощью требовались обученные, опытные воины, иначе новейшие танки и самолеты превращались в тонны бесполезного высококачественного металлолома. Советскому руководству это с ужасающей ясностью продемонстрировали первые, самые ужасные и беспросветные месяцы Великой Отечественной войны.

Именно это и предопределило дальнейшую судьбу и ветерана тех жестоких и беспощадных приграничных сражений июня – августа 1941 года – Степана Никифоровича Стеценко.

* * *

В стане врага тоже царило затишье, но оно отдавало скорее мертвечиной. После капитуляции обреченной Шестой армии фельдмаршала Паулюса на фронте наступил временный застой.

Стойко сражавшиеся в обороне немецкие войска оставили Ржев, начали отвод войск с Кавказа. Призрак новых окружений сковывал инициативу командиров вермахта и даже Ваффен-СС, а у простых солдат вызывал кишечные спазмы.

Немецкое верховное главнокомандование было ошеломлено поражением мощнейшей группировки войск, которая, по словам самого Адольфа Гитлера, «могла штурмовать небеса». Военная неудача безжалостно «анатомировала» все те просчеты, на которые в вермахте было принято закрывать глаза. Особенно «отличился» командующий люфтваффе, Герман Геринг. Мало того, что он полностью провалил свой же проект «воздушного моста», так по его вине авиация Германии потеряла более двух третей своей транспортной авиации. И не только транспортной, но еще и учебной, и даже бомбардировочной. Ведь для переброски грузов в осажденный Сталинград для умирающей в ледяной агонии армии фельдмаршала Паулюса использовались и тяжелые фронтовые бомбардировщики «Хейнкель-111», и легкие курьерские самолеты «Юнкерс-86», и сверхмощные «Хейнкель-177». И даже «летающие диковинки» – He-111Z. В их обозначении «Z» означает «Zwilling» – «спарка», или «близнец». Данный крылатый курьер был «сиамским близнецом», составлен из двух фюзеляжей бомбардировщиков He-111H6, «сросшихся» вместе общей секцией крыла. Они предназначались для буксировки грузовых планеров «Гигант».

А сколько сотен тонн различных грузов – от боеприпасов и продовольствия и до теплых немецких кальсон – не долетело до замерзающих насмерть солдат самого «скороспелого» фельдмаршала Третьего рейха?

Не менее серьезные потери понесли и бронетанковые силы Третьего рейха – знаменитые панцерваффе. Мало того, что советскими войсками было сожжено, подбито или захвачено пятьсот немецких танков. Были потеряны или уничтожены также и самоходные орудия, составлявшие основную поддержку пехоте вермахта. Три тысячи орудий и минометов – вся полевая артиллерия была утеряна.

Не лучше дела были и у другого фельдмаршала: за каждую неделю отчаянного прорыва Манштейн терял до ста танков, пока и вовсе не остался почти без техники. И это были в основном самые современные модификации – «Panzer-IV Ausf J» с длинноствольными 75-миллиметровыми пушками и экранированные «Panzer-III», а также самоходки – истребители танков «Sturmgeschütze-III Ausf G».

Так что к началу весны 1943 года гитлеровцам наступать было банально нечем. Но именно сорок третий год и должен был стать переломным в Великой Отечественной войне, и не только. Судьбы мира вновь решались на бескрайних просторах России.

В секретных лабораториях Третьего рейха и на чудовищных заводах Круппа уже варили новую броневую сталь, уже огромные краны ставили на подбашенные погоны «бронекоробок» корпуса «лобастые», угловатые башни, натягивали на расположенные в шахматном порядке катки широкие «ostentraker». Миллионы новейших снарядов калибра 75 миллиметров и знаменитые «acht-acht» – «восемь-восемь» сходили с конвейеров подземных заводов, на которых трудились десятки миллионов рабов из оккупированных стран...

* * *

А в глухом подмосковном лесу весело журчали по проталинам весенние ручьи и щедрые солнечные лучи отогревали первые подснежники. Словно бы и не было никакой войны... Но она была и напоминала о себе даже тут – низким гулом, скрежетом, ревом, треском ломаемых деревьев, содроганием земли.

Перемешивая старый, ноздреватый снег с грязью стальными траками широких когтистых гусениц, на лесную поляну выползло бронированное чудовище. Несмотря на не слишком большие размеры, танк производил впечатление крепости конструкции, направленной только на

единую цель – победу в бою с превосходящими силами противника. Крепко сбитый и ладно скроенный, стальной богатырь замер, а потом развернулся на месте, выпустив из выхлопных патрубков струи сизого дыма. Стальные траки прошлепали по грязи. Нежно-голубой распустившийся бутон подснежника качнулся от порыва горячего воздуха из дизеля тяжелого танка.

* * *

Гвардии лейтенант Стеценко критически оглядел строй. Он был назначен во вторую учебную роту (боже мой, учебную! – тоже мне Макаренко) командиром и по совместительству инструктором по огневой и тактической подготовке.

– Равняйся! Смирно! Ну что, сынки, будем учиться?

– Так точно, тащкомандир, будем! – гаркнули девятнадцать луженых глоток – впрочем, орать всяк сможет: посмотрим, каковы они на полигоне да на огневом рубеже...

– Правило у меня одно: воюют все! Никто не сдается. Кто струсил – того пристрелю лично, приказ товарища Сталина за номером 227 еще никто не отменял.

– Так точно, товарищ командир!

* * *

Прошло полгода, лес в Подмоскowie преобразился, подснежники уступили место летнему разнотравью. Здесь по-прежнему было величественно и спокойно, словно бы и не раздавались сейчас залпы орудий на огненной дуге между Орлом и Курском. Отголосками орудийного грохота раздавались в лесу могучие «голоса» танковых моторов.

Здесь, в уединенном, скрытом от любопытных глаз месте формировались новейшие танковые части – гвардейские полки прорыва. На их вооружении состояли самые мощные тяжелые танки, которые даже еще и не были собраны в цехах огромных, как города, заводов. А до поры экипажи тренировались на надежных «ветеранах» – тяжелых танках «Клим Ворошилов».

Гвардии лейтенанту Стеценко эти грозные боевые машины были знакомы еще по Финской войне 1939-1940 годов. Тогда он пересел на КВ-1 с первого в мире серийного среднего многобашенного танка Т-28. Сейчас, похоже, ситуация повторялась – круг замкнулся, и он снова на КВ-1. Правда, это была уже новая модификация – КВ-1С, «сорокоходный». Базовую конструкцию знаменитого «Клима Ворошилова» существенно облегчили. Была снижена толщина брони и немного уменьшены общие габариты корпуса. Лобовое бронирование осталось неизменным и у «классического» КВ-1, и у его скоростной модификации: 75 миллиметров. А вот борта у КВ-1С были толщиной не 75, а 60 миллиметров. Также КВ-1С получил и новую, более обтекаемую «голову» – башню, толщина лобовой брони которой была не 95 миллиметров, а 85 – экономия толщины в десять миллиметров, а это – десятки, если не сотни килограммов. К тому же КВ-1С был чуть ниже своего «прародителя».

А вот мотор и ходовая остались без изменений, только надежность улучшилась. К тому же на скоростной модификации «Клима Ворошилова» стояла новая, более надежная коробка передач.

А скорость по сравнению с «классическим» КВ-1 возросла до сорока двух километров в час по шоссе против тридцати четырех. К тому же новый танк стал более маневренным.

– Стоп! Глушите моторы. – Стеценко отсоединил разъем шнура головных телефонов танкошлема и вылез из башни. Люк он, по обыкновению, не закрывал.

На лесной поляне остановилась вся его рота: пять грозных боевых машин.

– Экипажам, построиться возле боевых машин! Равняйся! Смирно!

Возле каждого танка выстроилось по пять человек.

– Объявляю привал пятнадцать минут! Осмотреть вверенную вам матчасть, доложить о поломках и повреждениях. После чего можете перекусить сухпайком. Огня не разводить!

– Есть, товарищ гвардии лейтенант.

Поломок и повреждений не оказалось: и техника стала надежнее с тех пор, как 17 декабря 1939 года при прорыве Хоттиненского укрепрайона линии Маннергейма первый «Клим Ворошилов» принял боевое крещение. Да и выучка экипажей выросла значительно.

– Товарищ гвардии лейтенант, а когда к нам прибудет новая техника? А то все на войне, а мы как у тещи на блинах... – спросил, выскребая до зеркального блеска дно банки с тушенкой, молоденький сержант, механик-водитель из недавнего пополнения.

В последнее время разговоры были только об этом. Танкисты знали, что новые боевые машины уже поступили на вооружение Отдельного гвардейского тяжелотанкового полка прорыва. В соседнюю часть уже пришли новенькие модификации «тридцатьчетверки» – Т-34—85. Из-за существенных изменений конструкции корпуса, а также совершенно новой башни, по сути, это была не модификация, а самая настоящая новая машина. Главной отличительной особенностью нового среднего танка была мощная 85-миллиметровая пушка Д-5Т, или «ЗИС – С-53». Она позволяла вести бой со средними танками вермахта «Pz.IV» на дистанции 1200-1300 метров.

А вот поставки новых тяжелых танков прорыва задерживались...

– Значит, Якименко, ты у нас тут у тещи на блинах? Что-то старею я, сынки, расслабился с годами, – сокрушенно развел руками Степан Никифорович Стеценко под сдержанные смешки танкистов. – Ну, вот и нашелся доброволец для наряда по кухне. Третьего, если не ошибаюсь, который у тебя вне очереди наберется... А по поводу новой техники – это военная тайна! И хрен его знает, когда она прибудет... Хотя переборчивые шо-то вы стали. Когда я в сорок первом немца на Украине бивал, такой танк нам бы за счастье был! Хотя и так мы тогда «панцерам» этим клятым наваляли...

– А ведь действительно, танки вроде бы как и новые, а поди ж ты – уже и к устаревшим причисляют. Вот это технический прогресс, я понимаю... – рассудительно заметил командир второй машины, тезка Степан Соловьяненко.

– Да, что правда – то правда, – поддержал кто-то.

И действительно, разработанная конструкторским бюро Челябинского тракторного завода в мае – июле 1942 года и поступившая в войска в самом его конце, машина уже к лету 1943-го успела устареть. И дело не только в том, что у гитлеровцев появились «Тигры» и «Пантеры», с ними как раз должны были бороться не столько наши танки, сколько «крылатые танки» – штурмовики Ил-2 и артиллерия. Просто теперь для преодоления с боем укреплений немецких войск требовался новый, более мощный образец танка, оснащенный орудием повышенного могущества и сам способный держать удары противотанковых средств противника.

Таким образом, концепция тяжелого танка прорыва, каковым в начале Великой Отечественной войны считался пятибашенный «сухопутный крейсер Сталина» – Т-35, снова стала актуальной. Но уже на качественно новом уровне.

Новых танков ждали, спорили о том, какими они будут, но пока это была военная тайна. Но даже командиры не скрывали, что та техника полков прорыва, что есть сейчас, – это только лишь для вида, на период обучения и боевого слаживания. А на штурм гитлеровских укреплений танкисты в бой пойдут совсем на других, более мощных и совершенных боевых машинах.

А пока – марш-броски по пересеченной местности, огневые рубежи, взаимодействие танков при наступлении и в обороне. И то для танкистов это были праздники! Полевые выходы на полигоны были только после изнурительных теоретических занятий в учебных классах!

Молодежь откровенно роптала, а седые «старики», некоторым из них не было и тридцати, только посмеивались и одобрительно кивали, когда Степан Никифорович говаривал:

– Спасибо скажите, сосунки, что вас за шкуру в пекло не бросают!

Все-таки, хоть и ценой огромной крови, но научились воевать! А как иначе? Кто сможет не только выстоять перед стальной гитлеровской лавиной, но и разбить ее, как волнолом крушит девятый вал?!

Благодаря усилиям всего фронта стало возможным более основательно учить молодое пополнение, а не швырять в бой сотни и тысячи необученных юношей и девушек – вчерашних школьников и школьниц. После военных училищ выпускников – младших офицеров отправляли в запасные полки, где ветераны продолжали своим примером и уникальным боевым опытом учить молодежь. Не все можно изложить в кратких наставлениях и учебниках по тактике. Живой опыт тех, кто пережил ужасы обороны Севастополя, уличные бои Сталинграда, Керченский и Новороссийский десанты, тех, кто горел и выжил на Курской дуге, был гораздо более важен. А таких ветеранов, как Степан Никифорович Стеценко, который войну начал еще на Западной Украине, 23 июня 1941 года – и вообще можно было по пальцам пересчитать! Сам гвардии лейтенант Стеценко, вышедший из рядовых красноармейцев в офицеры, это понимал, но вся его натура бойца противилась относительно размеренному течению «школьной» жизни. И это было вдвойне полезно для новобранцев-танкистов, потому как «гонял» их бывший старшина, как на передовой!

– Так, отставить «перекус»! Все – по машинам! Продолжить движение.

Заместитель командира танковой роты продублировал команды флажковым семафором.

– Есть, командир!

Двадцать четыре пары ног загрохотали по броне, двадцать четыре пары рук ухватились за скобы на бортах и на башнях танков. Двадцать четыре человека заняли свои места в чревах стальных гигантов. Степан Никифорович забрался в люк командирского танка последним, но тут же подключился к бортовой сети и отдал приказ:

– Заводи! Направление движения прежнее.

* * *

Совершив форсированный марш-бросок по лесной дороге, танковая рота гвардии лейтенанта Стеценко вышла на полигон. Пять тяжелых боевых машин выстроились уступом и пошли вперед, перемалывая чернозем стальными траками широких гусениц.

– Атака с ходу! – отдал приказ по радиации командир. – Стрельба по целям по готовности. Вперед!

– Есть!

Механики-водители переключили передачу, взревели, наращивая обороты, надежные танковые дизели.

– Противотанковая батарея противника – слева двадцать, дистанция восемьсот, – скорректировал стрельбу командир танка, развернув обзорную панораму.

– Есть цель! – отрапортовал наводчик.

– Оскольно-фугасным – огонь!

– Оскольно-фугасный! – доложил заряжающий, бросив унитар на лоток и закрыв затвор пушки.

– Механик-водитель. Короткая!

– Есть короткая! – Танк замер, взрыв траками гусениц землю.

– Огонь!

– Выстрел!

Над рядом старых списанных пушек взметнулся фонтан земли, дыма и огня. Полетели в разные стороны разбитые вдребезги пушки.

– Цель поражена. Продолжаем движение!

Прикрывая друг друга, стальные исполины маневрировали по полигону, «утюжа» траншеи, горячим свинцом уничтожая «пехоту противника» и его «огневые точки». Снарядов и патронов, топлива и моточасов ресурса танков на учебу не жалели. «Тяжело в ученье – легко в бою»! И сейчас слова крылатого суворовского выражения были как никогда актуальны.

Боевая учеба шла не только на полигонах, но и в учебных классах.

Сейчас танкисты заучивали новые данные относительно тяжелых танков, которые должны были вот-вот поступить на вооружение их тяжелой бригады вместо совсем недавно устаревших КВ-1С. Подробнейшим образом разбирали устройство двигателя, трансмиссии, ходовой части, особенностей бронирования и вооружения. Прошитые и опечатанные учебные тетради после занятий в классах сдавались в секретный отдел.

И дело тут не только в стремлении сберечь бойцов. Техника с начала войны усложнилась настолько, что теперь одной бутылкой с зажигательной смесью не отделаешься. Да и тактика тоже претерпела весьма значительные изменения. В основу современного боя положено взаимодействие родов войск: танков, пехоты, авиации, артиллерии, специальных штурмовых и саперных подразделений и бог весть еще чего... Современный бой, как это ни парадоксально звучит, – штука довольно скучная. А опыт и выучка приходят путем многократного повторения – по сотне, по тысяче раз. Так и учил своих танкистов Степан Никифорович, так учили и другие рано поседевшие, со следами страшных ожогов на руках и на лице ветераны в 20-25 лет...

И наука эта вливалась в руки механиков-водителей, наводчиков-башнеров, трудяг-заряжающих, молодых командиров, которым, быть может, завтра – в бой.

Глава 2

Красный флаг над паровозом

Густой белорусский лес прорезала стальная нить железной дороги. Некогда могучие кряжистые дубы и стройные медноствольные, с густой темно-зеленой хвоей сосны подступали к самой насыпи. Теперь же по обе стороны от путей на расстоянии примерно метров пяти весь подлесок и более крупные деревья были спилены или выкорчеваны, а из древесных стволов были созданы завалы.

Все это было сделано неспроста, белорусские «лесные мстители» вели с оккупантами беспощадную войну на уничтожение. За все те зверства, которые гитлеровцы творили на многотрадальной земле Белоруссии, партизаны призывали к самому суровому ответу. Они совершали налеты на грузовые колонны, пускали под откос немецкие эшелоны, вершили суровый суд над предателями, полициядами, расстреливали немецких офицеров и даже совершали налеты на отдельные мелкие подразделения вермахта. Например, только диверсия на Минском железнодорожном узле в декабре 1941 года снизила его пропускную способность в двадцать раз.

Но самый большой размах приобрела партизанская война против оккупантов летом 1943 года после неудавшегося гитлеровского наступления на Курской дуге. Центральный штаб партизанского движения в Москве разработал операцию под кодовым названием «Рельсовая война». Она началась 3 августа, продолжалась до 15 сентября и была приурочена к наступлению советских войск на белгородско-харьковском направлении. В Белоруссии железнодорожное движение было парализовано на срок от двух недель до целого месяца! Оккупанты понесли огромные потери в паровозах, вагонах, рельсах, шпалах, живой силе.

Железнодорожные перевозки были жизненно важными для огромной и сложной военной машины Третьего рейха. Танковые клинья и орды гудящих в небе «Юнкерсов-87» и «Мессершмиттов-109», грохот мощных гаубиц – это всего лишь наконечник копья. А длинное его «древко» является бесконечными, многокилометровыми путями снабжения сражающейся группировки войск. Поэтому гитлеровцы предприняли самые суровые и бесчеловечные способы защиты своих коммуникаций.

Целые села, имевшие несчастье расположиться возле железной дороги, уничтожались безжалостно. Местных жителей, от мала до велика, расстреливали, жгли в хатах, вешали, забивали насмерть прикладами и коваными сапогами только потому, что они жили не там, где следовало, по мнению тех, кто нес на штыках «новый мировой порядок»!¹

Но и партизаны стали еще непримиримее в своей праведной борьбе. Они мстили за убитых с еще большей яростью. И, что самое главное, у них была поддержка Большой земли и того самого Центрального штаба партизанского движения вместе с «супердиверсантом» Сталина опытным разведчиком Ильей Стариновым.

* * *

Там, где очередной лесной массив уступал место чахленькому лугу у небольшой речушки, мальчик пас двух тощих коров. Одет он был в старую шинель с обрезанными полами, на ногах – онучи. Длинная домотканая рубаха заправлена в выдавшие виды портки. Мальчишка лениво пощелкивал кнутом, отгоняя буренок от небольшого моста через речку. Туда приближаться было нельзя – возле полосатой будки был устроен навес из маскировочной сети, откуда

¹ О геноциде белорусского народа снят художественный фильм «Иди и смотри».

из-за мешков с песком хищно смотрел на окружающий невеселый мир безжалостный черный зрачок пулемета.

Над лесом и лугом разнесся протяжный свисток паровоза, коровы, вяло помахивая хвостами, неспешно отошли от железнодорожной насыпи. Рогатая скотинка предпочитала пастись неподалеку от железнодорожных путей – резкий запах креозота, которым были пропитаны деревянные шпалы, отгонял слепней и других летучих паразитов.

Под аккомпанемент стального лязга, перестука колес, грохота и свиста пара из-за поворота показалось пышущее паром и дымом стальное клепаное чудище. Это был немецкий бронепоезд «Panzer Zug». От оружейных башен, серой брони, узких бойниц веяло леденящим дыханием смерти. Впереди перед уродливой бронированной коробкой локомотива была устроена сцепка из двух платформ: первая была нагружена мешками с песком и должна была принять на себя возможный взрыв мины, а на второй располагались два пулеметных расчета с MG-42, готовые выкосить «косами Гитлера» придорожную поросль вместе с теми, кто в ней скрывается. Основой огневой мощи были танковые башни с орудиями разного калибра.

Это был «гибридный» бронепоезд с чешскими бронеплощадками, вооруженными вращающимися башнями от легких танков «Pz.Kpfw-38 (t)». Башни сохраняли стандартный комплект вооружения из 37-миллиметровой пушки и спаренного пулемета. В середине вагонов в специальных казематах устанавливались 47-миллиметровые противотанковые орудия – тоже трофейные. Дополнительно бронеплощадки вооружались пулеметами и автоматическими 37-миллиметровыми пушками Гочкиса.

Для усиления зенитного вооружения в состав бронепоезда включили бронеплощадки с 20-миллиметровыми зенитными автоматами «2-cm Flakvierling», а еще на одной была смонтирована спаренная 37-миллиметровая зенитка.

Счетверенки «2-cm Flakvierling» имели поистине чудовищную скорострельность в 400 выстрелов в минуту, а суммарную – 1600 выстрелов! При этом слабость отдельного 20-миллиметрового снаряда с лихвой компенсировалась их сплошным огненным потоком.

Также на обычных железнодорожных платформах, прикрытых с бортов листами брони, стояли легкие танки «Pz.Kpfw-II» Ausf-F» и чешские «Pz.Kpfw-38 (t)». Это делалось для увеличения боевой гибкости бронепоезда. В случае повреждения железнодорожного полотна танки могли действовать автономно, прикрывая бронепоезд.

Вслед за немецким бронепоездом появился паровоз, который тянул за собой вереницу тяжелогруженных платформ. Даже толстый брезент не мог скрыть угловатые очертания тяжелых танков «Panzerkampfwagen-VI» «Tiger». Как водится, информация эта была строго секретной, но местные, как всегда, были в курсе, что тут не сельскохозяйственные трактора немцы перевозят. Перемежаясь с грузовыми платформами, в немецком эшелоне на открытых площадках были установлены зенитные орудия.

Сейчас новенькие тяжелые танки шли на восток – в сторону Минска. А вот год назад, в августе 1943-го, такие же эшелоны шли на запад, а «Тигры» и «Пантеры» на платформах были испещрены пробоинами от советских снарядов. Тогда свирепые «хищники» панцерваффе получили хорошую трепку! Ну, ничего, и на этот раз стальным «зверям» недолго осталось резвиться на земле Белой Руси...

Вечером пастушок докладывал командиру партизанского отряда все, что видел. Старый вояка, заставший еще Первую мировую и революцию, нахмурился.

– Танки новые, говоришь... Это славно. Сейчас же отдам приказ нашим разведчикам приготовиться. Все, иди, тебя накроют.

– Дядя Вася, а можно и мне с группой пойти, а то я тут только коров пасу...

– Я те пойду! Я те пойду!.. Так ремнем отхожу, что мало не покажется... Все, разговор окончен.

Когда паренек, шмыгая носом, вышел, командир партизанского отряда обратился к заместителю:

– Сегодня ночью самолет с Большой земли прилетает. Проследи лично, чтоб без «сюрпризов» обошлось. Да, и дай радиogramму с разведанными и запросом на Большую землю. Передавать только новым кодом!

– Есть! Все сделаем.

* * *

Совсем маленький, почти игрушечный биплан По-2, тарахтя пятицилиндровой «звездой» мотора М-11, полз по усыпанному звездами небосводу. Ночь была хорошая: облачная и безлунная. В такую пору «Мессершмитты-110» не рыскают по небу в поисках беззащитной добычи.

Летчица поправила защитные очки и сверилась с картой, разложенной на коленях. Света маленького фонарика едва хватало, чтобы осветить паутину дорог, пятна лесных массивов, отметки навигационных ориентиров. Она и так успела изучить район полетов за неполных два месяца и ориентировалась безошибочно. Но проверить все равно надо было.

Ага, вот приметный изгиб реки, а дальше от него на север. Точно! Снизившись, летчица убрала газ и спланировала над полянкой почти бесшумно. Со стороны маленький бипланчик заметить было практически невозможно. Вот с земли несколько раз мигнул свет карманного фонарика. Условный сигнал. Мотор М-11 зарокотал тоном ниже: самолет набирал высоту, чтобы построить маневр захода на посадку.

А на земле вспыхнул «конверт» условным образом расположенных костров. Они указывали границы посадочной площадки и направление приземления. Летчица отдала ручку управления от себя, задавая угол пикирования, и осторожно пошла на снижение. Даже коснувшись колесами земли, летчица была готова дать мотору полный газ, чтобы уйти прочь. Бывало и так, что карательные отряды СС или полицаев устраивали ложные площадки, и тогда им в плен лучше было не попадать.

Но на этот раз все обошлось, По-2 ювелирно, «на три точки» приземлился и сразу же развернулся носом по направлению взлета. Каждая минута была на счету. Партизаны открыли задний отсек и очень быстро начали разгружать ящики.

– Что там?

– Взрывчатка, отдельно – детонаторы и элементы радиоуправления для фугасов.

«Воздушный мост» с партизанскими отрядами имел огромное значение в деле подрывной борьбы против гитлеровцев. Так, с 15 сентября 1942 года по 1 января 1943 года белорусским партизанам авиация перебросила 3762 автомата, 2106 карабинов, 444 пулемета, 294 миномета и другое вооружение и боеприпасы. Из-за линии фронта в Беларусь направлялись также и специально подготовленные группы. В течение 1943 года из советского тыла прибыло тринадцать партизанских отрядов и сто одиннадцать организаторских и диверсионных групп.

На этот раз маленький биплан По-2 по мощности перевозимой взрывчатки был сравним с пикирующим бомбардировщиком Пе-2, ну, образно, конечно.

Выполнив свою опасную миссию, По-2 пошел на взлет – впереди у отважной летчицы девятнадцати лет от роду был не менее трудный путь домой.

* * *

Впереди бронепоезда катился, плюясь сизым выхлопом, специализированный железнодорожный броневик. И не какой-нибудь французский «Панар», а советский – трофейный БА-10. В вермахте он получил обозначение «Panzerspahwagen BA-203 (r)». В основном эти

неприхотливые и весьма неплохо вооруженные броневики применялись в качестве штабных и связных машин. Также довольно охотно немцы эксплуатировали вариант БА-10жд, поскольку при движении по рельсам такой недостаток советской машины, как ограниченная проходимость, уже не имел значения. В составе германского бронепоезда № 102 (Pz.Sp.Zug.102), например, в августе 1941 года имелись четыре броневых автомобиля БА-10жд.

А один такой «дожил» и до 1944 года, но уже в составе другого бронепоезда.

Вообще-то первым бронепоездом, начавшим боевые действия во Второй мировой войне, стал германский бронепоезд «Panzer Zug № 3». Этот состав был построен еще в начале тридцатых годов, в межвоенный период. И лицемерно назывался «грузовым защищенным поездом», уже тогда нарождающийся немецкий фашизм понимал, что лучшая защита – это нападение! В августе 1939 года «грузовой защищенный поезд» снял «овечью шкуру» и показал клыки орудий и пулеметов. Он был практически моментально переоборудован в бронепоезд, получив дополнительно в состав трофейную чехословацкую артиллерийскую площадку.

А к моменту нападения Третьего рейха на Советский Союз в вермахте имелось уже четырнадцать бронепоездов – номерных «Panzer Zug». Немецкое командование придавало «железнодорожным крепостям» большое значение. За один только предвоенный год их количество увеличилось в два раза. Большинство бронепоездов было сосредоточено на Востоке.

Германское командование после начала войны с Советским Союзом столкнулось с проблемой, доставившей много хлопот железнодорожным войскам. Дело в том, что в Европе железнодорожные пути были с шириной колеи в 1435 миллиметров, а в СССР была принята колея шириной 1524 миллиметра. Для использования немецкого подвижного состава требовалось или заменять колесные тележки, или перешивать железнодорожное полотно под европейские стандарты.

Но и с этим немцы справлялись весьма оперативно и с присущим им порядком в организации дел.

А кроме того, на заключительном этапе планирования операции «Барбаросса» весной 1941 года встал вопрос о необходимости постройки бронепоездов с широкой, русской колеей. Естественно, планировались к использованию в России бронепоезда нормальной европейской колеи, но возможность их немедленного применения, без предварительной перешивки путей с широких на европейские, исключалась. Было принято решение сосредоточить усилия на постройке «бронепоездов 1941 года». Началось создание пяти таких поездов. В состав включили две контрольные платформы, три бронеплатформы с танками и паровоз серии «57», переделанный на колею 1524 миллиметра. Впоследствии было принято решение об обязательном включении в состав бронепоездов платформ с низкими бронестенками, в которых имелись бы амбразуры.

Немцы также широко использовали и трофейные чешские, и особенно польские бронеплощадки, а также бронированные локомотивы для формирования своих бронепоездов.

С первых же дней нападения Германии на Советский Союз немецкие бронепоезда вступили в бой.

Однако германское командование стало использовать бронепоезда на «вторых ролях» – в основном для охраны железных дорог, отведя их с линии фронта в тыловые районы. И тому были серьезные причины, главная из которых – авиация. Несмотря на то что в состав современных сороковым годам бронепоездов входили уже зенитные бронеплатформы с пулеметами и скорострельными пушками, лишенные маневренности, стесненные колеями составы становились легкой добычей крылатых стальных хищников.

А вот охрана железнодорожных путей и станций с каждым днем становилась все актуальнее для немцев, поскольку в их тылу действовали многочисленные группы советских войск, попавшие в окружение и пытающиеся пробиться к своим. Объектом их нападений часто ста-

новились грузовые эшелоны, двигавшиеся к фронту, к тому же они перебирались через железнодорожные пути, становясь добычей для немецких бронепоездов.

В начале Великой Отечественной войны в руки германской армии попало немало трофеев, в том числе и бронепоезда.

И тут завоевателей ждало разочарование: выяснилось, что оригинальные германские бронепоезда были просто примитивными по сравнению с советскими аналогами! Существенным недостатком «Панцер-Цугов» было то, что они совершенно не годились для использования в условиях суровой зимы. Полностью закрытые броневагоны советского образца обеспечивали экипажам бронепоездов несоизмеримо более высокий уровень защищенности в бою и комфорта в быту. И гитлеровцы по достоинству оценили это, используя трофейную технику. В состав немецких бронепоездов включались как «пехотные», так и артиллерийские броневагоны. Нередко германские паровозы в составе бронепоездов заменялись советскими серии «Ов» – «Овечки». Гитлеровцами использовались и полностью «советские» бронепоезда.

Но все же к середине войны многие из них были уничтожены советскими бомбардировщиками и штурмовиками. Это с земли мощный «Panzer Zug № 3» выглядит внушительно благодаря своей броне и пушкам. А с высоты – это мирная бронированная «гусеница», паразитирующая на тоненьком железнодорожном «стебле». Бомбить такую – одно удовольствие, все равно никуда она не денется!

Так что сейчас в строю остались как раз вот такие, «гибридные» немецко-чешско-польские бронепоезда. Они больше прятались, нежели воевали, потому и уцелели.

Внезапно башня БА-10жд, заимствованная от легкого танка Т-26, развернулась и врезала из спаренного с 45-миллиметровой пушкой пулемета по тщательно прореженной опушке леса. Бледно-малиновые трассеры прошили предутренний туман.

Пули свистнули над головами пятерых партизан, лежащих в десяти метрах от насыпи железнодорожного полотна.

– Вот сволочи! – ругнулся тихим шепотом один из них. – Перестраховываются... Вот бы и бронепоезд подорвать!..

– Ему своя участь уготована, – ответил командир диверсантов-подрывников. – Вперед! Пошли.

По-пластунски, словно проворные ящерицы, партизаны выбрались на насыпь. Железнодорожный броневи́к вместе с бронепоездом уже успели скрыться за поворотом. Подрывник быстро установил заряды под обоими рельсами, взвел нажимной детонатор, который должен был сработать, когда реборда колеса надавят на рельс. Причем минирование было «хитрым»: под рельсами заложено несколько зарядов, соединенных в единую цепь таким образом, чтобы срабатывать с запаздыванием. Так что не только локомотив, но и весь состав был обречен.

Пока велось минирование, боевые товарищи взрывника прикрывали его по всем направлениям.

– Готово! Взрыватель взведен.

– Уходим!

* * *

Пыхтящий паровоз с эшелоном танков появился примерно через четверть часа. Эшелон с «Тиграми» задержался на экипировочном пункте: заливали воду в теплообменник, чистили топку от шлака, догружали уголь – вот и задержались. Вдобавок в хвост состава венгры из тыловых служб вермахта умудрились прицепить две цистерны с синтетическим бензином. Это было строжайше запрещено инструкциями по перевозке, но тыловикам, как обычно, наплевать. Главное, чтобы груз скорее дошел. Венгры, что с них взять, хоть и союзники вермахта.

По встречной колее шел санитарный эшелон в Германию. Два паровоза приветствовали один другого длинными свистками.

И вот паровоз, пыхтя и сопя, прошел над тем местом железнодорожного полотна, где были заложены мины.

Реборда продавила рельс, который, прогнувшись, нажал на взрыватель. И тут же огромный столб огня и дыма взвился до небес!

Мощный локомотив толкнуло вперед, он встал на дыбы, а сзади уже нагромождались на паровоз искореженные, разбитые и объятые пламенем платформы с тяжелыми танками «Тигр». Вслед за этим взорвались прицепленные к эшелону, против всяких правил, цистерны с синтетическим бензином для танков, и целый водопад огня обрушился на платформы с немецкой боевой техникой.

Новые взрывы от заложенных цепочкой зарядов швыряли вверх платформы с 56-тонными танками «Pz.Kpfw-VI». В мгновение ока шедевры инженерной мысли стоимостью по 300 000 рейхс-марок каждый превращались в груды искореженного, пылающего металлолома! Их стальные «внутренности» выворачивались наизнанку. На исковерканных железнодорожных путях творился ад кромешный.

Досталось и встречному санитарному эшелону. Все было мирно и спокойно, как говорится в таких случаях: «ничто не предвещало беды». Паровозные гудки, мерный перестук колес, шнапс, тушенка, приглушенные разговоры – все как в мирное время. За исключением того, что вперемежку с пассажирскими и товарными вагонами в составе были платформы с установленными на них счетверенными 20-миллиметровыми зенитными автоматами «2-см Flakvierling». А впереди себя паровоз толкал контрольную платформу, нагруженную шпалами и мешками с песком.

Но взрыв произошел на соседней колее, и контрольная платформа оказалась бесполезной. Равно как и таковая у эшелона с танками из-за «хитрого» взрывателя с запаздыванием.

Творящийся на путях огненный ад приумножился, когда на санитарный эшелон, круша вагоны и раскатывая раненых в фарш, обрушились сорванные с креплений 56-тонные угловые туши «Тигров»!

Тяжеленный, многотонный локомотив подпрыгнул, как игрушечный, и завалился набок. Вместе с обломками под откос летели и ошметки человеческих тел: руки, ноги, головы, изорванные и выпотрошенные туловища. Многие из выживших солдат сошли с ума – дико и страшно хохоча, они бродили среди обломков или сидели рядом со своими убитыми боевыми товарищами.

Всего за сутки на полустанке с труднопроизносимым русским названием выросло солдатское кладбище. Бесконечные ряды наспех срубленных крестов с надетыми на них немецкими касками. А сформированные здесь же похоронные команды продолжали находить все новых и новых убитых.

Вот она, цена за Железные кресты на груди, – бесконечные ряды крестов деревянных на бескрайних просторах России. И с каждым месяцем войны на Восточном фронте таких кладбищ с бесчисленными деревянными крестами становилось все больше и больше.

Многим выжившим вдруг вспомнилась пропагандистская листовка русских – одна из сотен тысяч тех, что русские кидали на Сталинград вперемешку с бомбами. На ней были изображены немецкие солдатские кладбища, а поверх бесчисленных деревянных крестов легли царапающие сердце каждого немца слова: «Гитлер обещал немцам землю на Востоке. Гитлер сдержал обещание!» И непонятная подпись: «Кукрыниксы» ².

² Кукрыниксы, *псевдоним по первым слогам фамилий*, – творческий коллектив советских графиков и живописцев: Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич, Соколов Николай Александрович [р. 8 (21).07.1903, Москва]. Учились в московском Вхутемасе-Вхутеине (между 1921 и 1929 годами). Действительные члены Академии художеств СССР (1947), народные художники СССР (1958). Как художники-сатирики, Кукрыниксы заняли ведущее место в советском искусстве и

Эсэсовцы и полевая жандармерия после этого случая озверели вконец. Каратели носились по белорусским селам и выжигали их дотла, расстреливали оставшихся мирных жителей. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Но в итоге они добились не повиновения, а еще большей ненависти.

* * *

Но и это было еще не все.

Когда прогремел взрыв, превративший в кроваво-стальное месиво два немецких эшелона, бронепоезд «Panzer Zug» поспешил на помощь. Пыхтя, гудя и скрежеща, угловатый и нескладный стальной монстр запоздало спешил выполнить свой долг. Не успел.

На перегоне было небольшое ответвление – колея, ведущая на работавшую до войны лесопилку. И сейчас там немецкого бронепоезда дожидался паровоз серии «Ов» – знаменитая «Овечка». Его машинист решил таранить во что бы то ни стало этот проклятый «Panzer Zug»! Семью Тимофея Тимофеевича Зырянова расстреляли каратели вместе с другими жителями деревни, слишком близко оказавшейся к железной дороге. Старый машинист ушел в партизанский отряд, и с тех пор единственным смыслом жизни для него была месть. Вот опытный машинист и решил подороже продать жизнь, чтобы уж наверняка, он не просто угнал паровоз, а умудрился к нему еще и прицепить пятнадцатитонную, совсем небольшую, цистерну с мазутом. Не торопясь, он развел пар, раскочегарил топку. Тяжеловато одному управляться со всем этим стальным хозяйством, ну да ничего, справиться можно.

И вот уже за тонкой стеной леса показалось облако дыма от топки бронированного локомотива немецкого бронепоезда.

Тимофей Тимофеевич Зырянов укрепил на паровозе древко с красным флагом и развернул полотнище. Умирать нужно за идею.

Опытный машинист проверил давление пара по манометру и положил широкую мозолистую ладонь на кран регулировки движения. Он дал задний ход, выезжая на главную магистраль.

И вот перед ним – стремительно приближающийся немецкий бронепоезд. Вперед – на всех парах, навстречу бессмертию! Наш паровоз на этот раз отнюдь не на запасном пути! И развевается на ветру красное знамя!

Удар и последовавший за ним взрыв был ужасен! Немецкому бронепоезду не помогла даже контрольная платформа – ее просто смяло от чудовищного удара. Огненный шар взрыва лопнул потоками горящего мазута, который мгновенно заполнил броневагоны, выжаривая все внутри. Волна детонации боекомплекта внутри оружейных башен разрывала броневагоны, превращая весь бронированный состав в груды металлолома. О людях и вообще речь можно не заводить – в лучшем случае горстка пепла и пара обугленных косточек останется!

Земля горела под ногами оккупантов, и на оккупированной территории многострадальной Белоруссии партизаны приближали Победу – ту, что одна на всех! А цена... Она просто бесценна.

получили всемирную известность. Большую роль в патриотическом воспитании советских людей сыграли карикатуры, плакаты и «Окна ТАСС», созданные Кукрыниксами в годы Великой Отечественной войны 1941-1945, сочетающие в символически-обобщенных образах убийственный сарказм и героику («Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», 1941).

Глава 3

Новая техника

Ночь осенняя – долгая, низко надвинуты седые папахи облаков, сеет мелкий дождь. Замечательная погода! Такой ночью не пролетит высотный дальний разведчик «Дорнье» Do-17, не сфотографирует землю, что расстилается под его крыльями. Но все равно – настороже и девчонки-зенитчицы у своих длинноствольных полуавтоматических и автоматических пушек. Наготове – прожектористы, готовые поймать в слепящие столбы света раз и навсегда заученный ненавистный силуэт. Наготове звукометристы и радисты, чтобы загодя обнаружить угрозу и передать на аэродром дежурному звену легкокрылых Як-9 или лобастых Ла-5. Затерянную в лесах Подмоскovie не приметную железнодорожную станцию охраняли, как неприступную твердыню, – и с земли, и с воздуха. На лесных, хорошо укатанных щебенчатых дорогах дежурили патрули отдельного стрелкового батальона НКВД. На перекрестках стояли замаскированные трехосные броневые автомобили БА-10 с башнями от легких танков Т-26.

Конечно же, против танков, да тем более сейчас, этот броневи́к тягаться не мог. Но вот для пехоты его «сорокапятки» и спаренного пулемета было вполне достаточно! А шрапнельные снаряды Щ-240 унитарных выстрелов УЩ-243 и вовсе превращали тела в ненавистной серой, «фельдграу», униформе в фарш «по-рейнски»! Они несли в себе несколько слоев свинцовых пуль, уложенных вокруг центрального заряда, – и это было самое страшное для вражеской пехоты оружие!

Вместе с броневи́ками дежурили в секретах и мотоциклы с пулеметами.

Такие меры безопасности были приняты не зря.

Глубокой дождливой осенней ночью могучий паровоз «Иосиф Сталин» притащил на затерянную в лесах станцию воинский эшелон. Выбрасывая клубы угольного, черного дыма, весь окутанный клубами пара, локомотив остановился с пронзительным металлическим скрежетом.

Сразу же у платформ выстроились бойцы в синих фуражках с малиновыми околышами. В ночи раздалась отрывистая и резкая переключка команд, сопровождаемая лязгом оружия и топотом сапог.

Гвардии лейтенант Стеценко тут же скомандовал своим танкистам строиться. Бойцы первой и второй тяжелотанковых рот вместе с инженером полка и зампотехом торчали здесь вот уже три дня – и все в обстановке строгой секретности. Просто среди ночи объявили тревогу, погрузились в «полуторки», и с соблюдением мер светомаскировки они покати́ли на железнодорожную станцию. Вместе с танкистами был и представитель особого отдела – как же в секретном деле без него?..

И вот после трех суток ожидания Степан Никифорович, наконец, смог увидеть то, ради чего они здесь были. Точнее, он смог увидеть только лишь серо-зеленый брезент, под которым угадывались очертания чего-то массивного.

Когда брезент был снят, под ним оказались стальные тела неведомых танков. Мокрая броня блестела, словно лакированная. Брезентовые чехлы на массивных пламегасителях темнели от напитавшей их влаги.

– Какие пушки здоровые на этих танках! – удивился один из молодых наводчиков.

– Да, самые большие, что есть на боевых машинах... – кивнул Степан Никифорович.

Он, опытный ветеран, начавший войну еще в Финляндии – на первых в мире трехбашенных танках Т-28, был поражен. Стеценко воевал и на тяжелом «сухопутном крейсере Сталина» Т-35, и на непобедимом богатыре – «Климе Ворошилове». На «тридцатьчетверке» различных модификаций и даже на легких танках. Так случилось, что ему довелось «перепробовать»

практически все конструкции отечественных боевых машин. Ему выпала интересная военная судьба, если так вообще можно было выразиться относительно всего того, что довелось пережить не раз горевшему в боевой машине опытному «бронетанковому бойцу».

Новые танки отличались компактными размерами, в конструкции внешне выделялись наклонные броневые листы, широкие гусеницы, массивные, выдвинутые вперед башни обтекаемой формы. И конечно же – толстые «хоботы» пушек, увенчанные двухкамерными дульными тормозами.

– Экипажи! Разобраться по машинам, приступить к разгрузке железнодорожных платформ. – Отдав приказание, Степан Никифорович невольно усмехнулся. Получается, что локомотив «Иосиф Сталин» привез на подмосковную станцию состав с тяжелыми танками с тем же названием.

Танкисты вместе с железнодорожными служащими и техниками приступили к разгрузке техники. Тут же подъехали и «полуторки» с другими танкистами. Те тоже быстро разобрались по машинам и стали помогать в разгрузке нового смертоносного оружия. Неразберихи не было: все команды исполнялись четко, хоть прибывшие были и из разных подразделений. По разумению Степана Никифоровича, это было сделано также из соображений секретности.

Тяжелые машины, ведомые механиками-водителями, сидящими в открытых люках, осторожно съезжали по аппарелям из толстых брусьев. Боевая масса нового танка составляла 46 тонн, поэтому съезжать нужно было очень аккуратно. Командиры экипажей направляли бронированных монстров вспышками карманных электрических фонариков. Вскоре разгрузка была завершена. Подогнали топливозаправщики, наполнили баки тяжелых танков соляркой.

– Строиться! Равняйся! Смир-рна! Приказываю: построить боевые машины в колонну и проследовать в расположение части. На марше соблюдать полное радиомолчание и светомаскировку. Двигаться будем за грузовиком в голове колонны, он будет подсвечивать задними фарами. По машинам!

– Есть!

Грохочущая, лязгающая стальными сочленениями бронированная змея потянулась по лесной дороге обратно.

* * *

Строй тяжелых танков новой конструкции смутно обрисовывался в рассветном тумане. Мелкие капли влаги скользили по бронированным бокам толщиной 90 миллиметров, они собирались в ручейки и стекали по надгусеничным полкам под массивные стальные траки. Покатые «лобастые» башни были увенчаны толстыми стволами 122-миллиметровых орудий – самых мощных в мире!

Степан Никифорович Стеценко не устал любоваться и восхищаться новой боевой машиной. Новый тяжелый танк был существенно компактнее широкого и массивного «Клима Ворошилова». Именно из-за размеров KB-1 и получил весьма нелицеприятные прозвища вроде «чемодана» или «стального бегемота». Но «Иосиф Сталин», в отличие от своего предшественника, был и гораздо ниже, так что и обнаружить, и подбить его становилось весьма непросто. Степан Никифорович, как опытный танкист, знал еще и о так называемом «экране местности». Как правило, «экран местности» составляет около метра. Половина этого метра приходится на клиренс, остальное закрывает примерно треть высоты корпуса танка. Большая часть верхней лобовой детали корпуса экраном местности уже не закрывается. Однако новая боевая машина была более компактной, с низким силуэтом. Это был тяжелый механизированный боец, рассчитанный на тяжкую и кровопролитную борьбу с превосходящим противником.

Теоретическую часть танкисты уже освоили, наступал черед опробовать новую технику на полигоне.

Командира тяжелотанковой роты, как бывшего механика-водителя, интересовало «пламенное сердце» «Иосифа Сталина». Могучий танк прорыва имел не менее мощный двигатель: двенадцатицилиндровый V-образный дизель «В-2-ИС» мощностью 520 «лошадей».

Маневренность «ИСа» при такой мощности и массе в сорок шесть тонн была не слишком хорошей. И тем не менее удельное давление гусениц ИС-2 на грунт составляло около 0,8 килограмма на квадратный сантиметр.

По этой величине советский тяжелый танк прорыва намного превосходил немецкие средние и тяжелые танки. У первых были слишком узкие гусеницы, а тяжелые – были чересчур перетяжелены. Да и удельная энерговооруженность у «уберпанцеров» была тоже не ахти какая.

Максимальная скорость ИС-2 не превышала 35 километров в час, однако для тяжелого танка прорыва это было не так существенно, как возможность уничтожения тяжелобронированных танков противника, бетонных огневых точек и противотанковых батарей. «Иосиф Сталин» умел также и держать удар – с его наклонной лобовой броней толщиной в 120 миллиметров и наклонными же бортами – 90 миллиметров. Также была бронирована и тяжелая башня танка прорыва: 100 миллиметров – лоб и маска орудия и 90 миллиметров – борта башни.

И тем не менее подвижность на пересеченной местности у нового советского «супертанка» была вполне приемлемой – вражеские окопы он вполне мог «утюжить», равно как и идти на прорыв по «лунному пейзажу» после мощнейшей артподготовки.

Ни «Пантера», ни тем более «Тигр» или «Фердинанд» подобного сделать не могли.

«Иосиф Сталин» в основном вел бой в одном строю со своей пехотой, прорывая укрепления противника. А вот для развития прорыва использовались более быстрые и подвижные «тридцатьчетверки».

Механики-водители довольно быстро освоили новую боевую машину, и особых сложностей здесь не возникло. Конечно, «детских болезней» хватало и с двигателем, и с трансмиссией. Но танкистам было оставлено время, чтобы досконально разобраться с особенностями новых тяжелых танков.

Совсем не так, как в сорок первом, накануне войны... Тогда механики-водители учились управлять легкими пулеметными танкетками Т-26А, а потом пересаживались на тяжелые КВ-1 и на сверхтяжелые КВ-2 со 152-миллиметровыми гаубицами. Или на пятибашенные бронированные монстры Т-35. К тому же одновременно с этим шло реформирование бронетанковых войск Советского Союза, и многие части были некомплектны. Результаты такой «боевой учебы» Степан Никифорович Стеценко, тогда еще старшина, наблюдал в злополучном треугольнике Луцк – Дубно – Броды...

Разбитые бронированные остовы на переправах, брошенные «сухопутные линкоры Сталина» – Т-35, брошенные КВ-2, брошенные КВ-1, брошенные «тридцатьчетверки» с выведенными из строя коробками передач, без топлива, со сломанными деталями, к которым и не подобрать запчастей.

Степан Никифорович прикрыл глаза, вспоминая...

Так было.

Но сейчас чаша весов переменчивой фронтовой судьбы качнулась в другую сторону. Есть время учить молодежь, есть время заниматься боевым слаживанием экипажей и подразделений.

Но был и у ИСа недостаток, причем связанный с его главным достоинством – подавляющей огневой мощью.

В сентябре 1943 года известный советский артиллерийский конструктор Федор Федорович Петров направил письмо главному конструктору Челябинского Кировского завода и опытного завода № 100 Жозефу Яковлевичу Котину о возможности вооружения тяжелых танков «Иосиф Сталин» крупнокалиберными пушками. Речь шла об артиллерийских системах калибра 107, 122 и даже 152 миллиметра!

В принципе, такая идея была отнюдь не нова – еще тяжелые танки «Клим Ворошилов» предполагалось вооружить 122-миллиметровыми орудиями, были изготовлены даже опытные «объекты». Это не говоря уже о совершенно монструозном проекте KB-2 с шестидюймовой гаубицей во вращающейся башне!

Конструктор Котин выбрал для усиления вооружения танка «Иосиф Сталин» 122-миллиметровую гаубицу-пушку А-19. Это орудие отличалось универсальностью, относительной для такой артсистемы компактностью и подавляющей огневой мощью.

И после согласования технических деталей Жозеф Яковлевич получил согласие лично от Иосифа Сталина на установку гаубицы-пушки А-19 в танк собственного имени.

В конструкторском отделе завода № 9 под руководством Федора Петрова пушка А-19 была доработана для установки на танк: на нее установили дульный тормоз для демпфирования весьма сильной отдачи. Также были разработаны более компактные противооткатные устройства, конструкторы улучшили также систему наводки на цель для удобства наводчика в тесноте боевого отделения танка.

Танковый, доработанный и модернизированный вариант гаубицы-пушки А-19 получил наименование Д-25Т. Массовое производство самого мощного танкового орудия в мире было запущено на заводе № 9 незамедлительно.

При всей мощи новое танковое орудие сохранило главную особенность «прародителя»: раздельно-гильзовое зарядание. А что значит загнать в казенник орудия сначала бронебойный или осколочно-фугасный снаряд в четверть центнера и вслед за ним – еще и метательный заряд, который весил пятнадцать кило?! К тому же заряжающий большинство действий выполнял левой рукой. Так что даже самые лучшие экипажи показывали скорострельность максимум три выстрела в минуту.

А вот немецкие танковые пушки калибра 88 и 75 миллиметров были с унитарными боеприпасами, и скорострельность у них была существенно выше. Да к тому же и прицелы «цейссовские». Вот и получается, что наша танковая пушка – это своеобразный «молот» против немецких «отбойных молотков». Наша 122-миллиметровая Д-25Т как ахнет – и в гробину с гарантией! Но повторный выстрел сделать из нее ой как нелегко...

А немецкие танки, противотанковые пушки и зенитки «acht-acht» – «восемь-восемь» могли лупить наши машины в хорошем темпе.

Впрочем, тут уже многое зависело от выучки экипажа и мастерства каждого отдельно взятого танкиста. Чем во время боевой учебы и занимались.

* * *

– Снаряд!

– Есть снаряд! – Стальная болванка весом в четверть центнера ушла в казенник орудия.

– Заряд!

– Есть заряд! – Следом пошла пятнадцатикилограммовая латунная гильза метательного заряда.

Закрыт клиновой затвор орудия.

– Дистанция тысяча, лево двадцать – танк противника – огонь!

– Лево двадцать, дистанция тысяча – готово!

– Выстрел!

Привезенная с поля боя немецкая «четверка» с угловатой, с характерными скосами передних граней башней стояла, уткнув ствол 75-миллиметровой пушки.

Удар 25-килограммовой болванки пришелся в правый борт, чуть ниже башни. Броня толщиной 20 миллиметров была проломлена таранным ударом снаряда – массой, помноженной

на квадрат скорости. Законы физики в этот раз оказались на стороне советских конструкторов, доказав, что сталинская наука – самая передовая!

А вот заряжающему в башне «Иосифа Сталина» такая наука была, что называется, поперек горла. Следующая болванка, но уже осколочно-фугасная, начиненная тремя килограммами амматолла, легла в казенник орудия. За ней последовала гильза метательного заряда.

– Готово!

– Дистанция – полторы, справа пятнадцать – ДОТ противника!

– Огонь!

– Выстрел!

Грохнула 122-миллиметровая танковая пушка, в очередной раз вывернув внутренности наизнанку.

Железобетонное яйцо долговременной огневой точки сотряслось от мощнейшего удара. Толстенная «скорлупа» специального фортификационного бетона М-400 пошла трещинами и раскололась. Изнутри в пролом выбило клоч пламени, повалил густой серый дым.

– Башнер, по пехоте противника из пулемета – огонь!

– Есть! – затрещал спаренный с пушкой «Дегтярев-танковый».

Но это все хорошо на полигоне. В бою разговаривать некогда, и с заряжающим командир танка общался в основном жестами: кулак – бронбойный снаряд, растопыренная пятерня – осколочно-фугасный. В боекомплекте 122-миллиметровой танковой пушки Д-25Т как раз и было два типа снарядов. Просто, но зато понятно.

* * *

Полигонные стрельбы, тактическое взаимодействие, теория и практика нелегкой боевой учебы продолжались всю осень 1943 года. Давно уже отгремела огненная Курская дуга, наши войска освободили Харьков и Сталино ³, вышли к Днепру, готовились к освобождению Левобережной Украины и штурму Киева, который гитлеровцы превратили в неприступную крепость, стянув в город и окрестности наиболее боеспособные дивизии и полки вермахта и Ваффен-СС. По крайней мере, так кричал по радио «рупор Гитлера» – не менее бесноватый доктор Геббельс.

Предстоящая битва должна была стать началом советского, «красного блицкрига».

Не только советский Киев был на направлении главного удара. Севернее многомиллионные армии готовились к освобождению Советской Белоруссии.

Но командование не спешило бросать полк, в котором служил гвардии лейтенант Стеценко, в бой. Уже не только «молодняк», но и опытные бойцы стали роптать о том, что их «маринуют» зазя, не пуская в настоящее дело. Но у вышестоящего командования, как известно, особое мнение насчет целесообразности боевого применения самой мощной ударной силы Красной армии.

³ Ныне – Донецк.

Глава 4

«С честью выполнить свой долг...»

Могучий стальной исполин мчался сквозь мглу ночи, колеса локомотива «Иосиф Сталин» грохотали на стыках рельсов, прочь уносились неяркие из-за светомаскировки огоньки полустанков.

На станцию назначения прибыли глубоко за полночь. От эшелона отцепили локомотив, магистральный паровой богатырь «Иосиф Сталин» дал гудок на прощание могучим басом и уступил место юркому маневровому паровозу. Тот, пыхтя, завел воинский эшелон на запасной путь.

Кроме танкистов, эшелонов здесь было – не счесть! И всех их нужно было разгрузить до рассвета.

И снова – форсированный марш-бросок к новому месту дислокации, с потушенными фарами, ориентируясь только по тускло-красным кормовым огням.

Отдельный гвардейский танковый полк прорыва шел в неизвестность. Одним своим фактом существования это новое подразделение склоняло чашу весов в противостоянии в пользу советских войск.

* * *

Молодой лейтенант блаженно растянулся на брезенте, покусывая травинку. Над ним простилась бездонное синее небо, жарко светило яркое июньское солнце, шумел густой лес. Хорошо!..

– Эй, кто там сачкует? – раздался сварливый голос гвардии сержанта под аккомпанемент тяжелых ударов молота.

– Э... Я не сачкую, никак нет, товарищ гвардии сержант. Вот, изучаю диспозицию.

– Хорошо придуриваться! Труд, он вроде как сделал из обезьяны человека, согласно учению диалектического материализма. Так что – бери-ка, Михаил, молот в руки и занимайся саморазвитием.

– Эт мы завсегда! – Старший механик-водитель, гвардии младший лейтенант Владимир Симонов схватил молот и принялся забивать стальной палец, скрепляющий траки на правой гусенице тяжелого «Иосифа Сталина».

В это время гвардии сержант поддерживал гусеницу танка ломом.

– О! Хорошо работаешь! А я потом полезу в моторный отсек – проверю радиатор. А то двигатель перегревается, зараза... И коробку передач проверить нужно...

Командир роты отдельного гвардейского тяжелотанкового полка прорыва гвардии старший лейтенант Стеценко слушал веселую перебранку между танкистами своего экипажа. И его не отпускало странное чувство, что подобное уже было. Такое ощущение называется мудреным иностранным словечком «дежа-вю» – Степан Никифорович услышал его у одного хирурга в госпитале. Врач был настоящим интеллигентом по сравнению с ними, танкистами – «пахарями войны». Но и он тоже разделял все тяготы и лишения войны. Вместе со всеми, кто жил сейчас на одной шестой части суши, и теми, кто помогал в борьбе Великой Страны Советов с Великим злом.

А чувство... Степан Никифорович вспомнил – такое было в далеком июне 1941 года, южнее, не в Восточной Белоруссии, а в Западной Украине, в треугольнике Луцк – Дубно – Броды. Тогда тоже был яркий и солнечный летний день, экипаж также возился с тяжелым танком... Только это был огромный пятибашенный «сухопутный крейсер» – Т-35. Также слыша-

лись тяжелые и гулкие удары, лязг металла о металл, перебранка танкистов. А после начался ад. Потом его назвали приграничным сражением и поспешили забыть: уж слишком большой кровью оплачены были стратегические просчеты и недооценка врага. Легкомысленное настроение улетучивалось прямо пропорционально количеству брошенной на дорогах из-за поломок техники. Кстати, такие «парадные» колоссы, как многобашенный тяжелый танк Т-35, ломались чаще, чем более привычные и обкатанные «бэтэшки». Гвардии старший лейтенант, а тогда еще – старшина Стеценко, помнил, что из всей их бригады до рубежа атаки дошли всего три машины. Остальные Т-35 оказались выведены из строя из-за различных поломок.

К тому же у танков не доставало боекомплекта. За примерами далеко ходить не надо: такое было и на танке Т-35, на котором служил механиком-водителем тогда еще старшина Стеценко. Его непосредственный командир приобрел немало седых волос в общении с зампотыла, но так и не увидел в боекомплекте своих танков долгожданных бронебойных снарядов калибра 76 миллиметров к главному оружию тяжелого танка. Были только бронебойные «болванки» к «сорокапяткам» из передней и задней малых оружейных башен.

Теперь же на военных складах до трех-четырех боекомплектов самых разных видов боеприпасов: для танковых пушек, полевых орудий, тяжелых гаубиц Резерва Главного Командования, «эрэсов» для «катюш». И это не говоря о сотнях и тысячах тонн боеприпасов на складах авиационных полков и дивизий.

Наводчик затаскивал в башню тяжелые диски для пулеметов. Его отвлек звук с неба. В разрывах высоких облаков показались крылатые силуэты. Башнер положил диски на крышу башни, приставив ладонь козырьком к глазам.

– Бомбить летят?

– Скорее, разведка, – заметил многоопытный гвардии лейтенант Стеценко. – Я смотрю, к наступлению-то основательно готовятся...

Самолеты-разведчики днем и ночью гудели над лесом, разумеется, это были наши самолеты. Чужих не пускали на нашу территорию расчеты зенитных батарей и истребители противовоздушной обороны.

Разведывательная авиация фронта регулярно контролировала движение противника по шоссе, железным и грунтовым дорогам на оперативную глубину до 150 километров. Расположение аэродромов гитлеровской авиации было вскрыто на всю оперативную глубину, и полеты с них контролировались нашими наблюдателями ежедневно.

Также разведывательными частями авиации была сфотографирована площадь более 50 тысяч квадратных километров. Эти подробные фотопланшеты командиры тяжелотанковых рот отдельного гвардейского полка прорыва изучали каждое утро.

Везде чувствовались приготовления к наступлению, которое должно стать самой масштабной операцией прорыва Красной армии. Связисты тянули телефонные и телеграфные линии, разворачивали и маскировали антенны мощных радиостанций.

На направлениях прорыва к ударным армиям намечалось иметь телеграфно-телефонные линии в четыре провода. Для этой цели за каждой армией закреплялся один линейный батальон связи.

Для обеспечения наступления требовалось проделать, без преувеличения, огромную работу по строительству и восстановлению телеграфно-телефонных линий. Нужно было построить и восстановить 851 километр линий, восстановить и повесить 2787 километров проводов! Для выполнения всех этих работ в распоряжении Управления связи было развернуто девять строительных и четыре кабельно-шестовых рот.

Строились новые и ремонтировались старые дороги, прокладывались рокады, связывающие различные участки протяженного фронта.

Так, например, в полосе предстоящего наступления 6-й гвардейской армии в течение всего лишь 12 дней в среднем ежедневно работало не менее 4700 человек. В результате раз-

вернутого дорожного строительства в период подготовки к операции удалось восстановить и построить 275 километров дорог, а также отремонтировать и прогрейдеровать еще 820 километров пути.

И по этим дорогам постоянно шла техника и колонны пехотных подразделений. Тяжелые гусеничные тягачи и американские «лендлизовские» тракторы тащили массивные гаубицы, тоже на гусеничном ходу. Это были сверхмощные 203-миллиметровые артсистемы Резерва Главного Командования. Катились по дорогам за тягачами «шестидюймовки» и 122-миллиметровые гаубицы-пушки А-19 – «родственники» мощных танковых пушек Д-25Т, установленных на ИС-2. По ночам, светя фарами со светомаскировочными насадками, шли гвардейские «катюши» с зачехленными до поры реактивными пусковыми установками. Грохотали и лязгали стальными траками гусениц угрюмые «лобастые» танки.

* * *

Работы по техобслуживанию материальной части отдельного гвардейского тяжелотанкового полка прорыва закончились как раз к обеду.

Танкисты расположились на краткий послеобеденный отдых прямо здесь, возле укрытых в капонирах под маскировочными сетями танков.

Чубатый веснушчатый механик-водитель четвертого «ИСа» в роте растянул меха гармошки.

Вечер, поезд, дальний перрон.
Песня, луна и прощанье.
Дай мне руку,
Еду на фронт
И говорю – до свиданья!
Еду, еду в танковый полк
С честью свой выполнить долг,
Если пора наступает,
Кто Родину любит, тот знает
Только одну из дорог!... ⁴

Так и лилась эта задушевная и проникновенная песня про танкистов. Бойцы притихли, думая каждый о своем. Среди танкистов было много белорусов: кто успел, эвакуировался вместе с семьями, некоторые – партизанили, а потом были ранеными вывезены самолетами на Большую землю. Многие из них, когда началась война, были еще подростками непризывного возраста. И вот за три долгих года войны они повзрослели и пришли на место своих отцов и братьев – чтобы мстить гитлеровцам за горе и слезы своего народа, за разграбление своей земли!

Опытный танковый боец и сам чувствовал мандраж, который усиливался день ото дня. Каково же было тогда им, молодым?..

Это обстоятельство, кстати, здорово волновало Степана Никифоровича: в том, что ребята не сдрейфят в трудную минуту, он был уверен настолько, насколько это было возможно. А вот сумеют ли они сдержаться и не полезть на рожон, где это не нужно?..

И тем сильнее гвардии старший лейтенант «закручивал гайки» в боевой учебе, требуя, чтобы каждый член экипажа каждого вверенного ему тяжелого танка затвердил до автоматизма все действия и смог в случае необходимости заменить раненого товарища.

⁴ Автор текста и музыки неизвестен. Автор романа с благодарностью примет любую информацию об этой песне.

Их отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва уже успел повоевать на Украине, и там танкистам уже приходилось сталкиваться и с «бронированным зверинцем» немецких танковых частей, и с сверхпрочными защищенными огневыми точками, и с фанатичной стойкостью эсэсовских механизированных дивизий. Так что люди были обстрелянные, и они не роптали, понимали, что действительно: «Тяжело в ученье – легко в бою!»

Постоянно проходили тренировки «пешим по-танковому», со стороны зрелище пятерых взрослых мужчин, идущих вместе и выполняющих бессмысленные на первый взгляд движения и перебрасывающихся странными фразами, вызывало улыбку. Это вызывало ассоциации с детскими играми, когда все – «понарошку», не всерьез. Но даже такой тренинг был полезен.

За время паузы перед наступлением то одно, то другое подразделение отводилось в оперативный тыл на боевую учебу. Особенно усердствовали пехотинцы, но оно и понятно: основная тяжесть наступления, как всегда, ляжет на «царицу полей». Бойцы проводили занятия по специальной пятидневной программе. В ее основу было положено спланирование рот и батальонов на соответствующих учениях с боевой стрельбой. На этих занятиях, максимально приближенных к боевым, отрабатывались важнейшие вопросы наступательного боя, причем особое внимание уделялось вопросам взаимодействия пехоты с танками и артиллерией, технике передвижения на поле боя, броску в атаку, штурму опорных пунктов противника. А сейчас, уже непосредственно в период перегруппировки войск, боевая подготовка продолжалась по специально составленной десятидневной программе.

Окружающие леса и болота тоже вносили свою специфику в боевую учебу. Солдаты на специально отведенных участках учились плавать, форсировать водные преграды, вести наступление в лесисто-болотистой местности при помощи подручных средств и без них. Бойцы наводили штурмовые мостики, плавали на надувных лодках. Большое внимание при подготовке уделялось тренировке отдельных бойцов и целых подразделений в преодолении заболоченных участков, ориентировании в лесу, движении по азимуту.

Бойцы сами мастерили из подручных средств различные «мокроступы», болотные лыжи, волокуши для пулеметов и легкой артиллерии, плоты и плотики. Стала особенно востребованной профессия плотника.

Во время тактической подготовки с частями и подразделениями были отработаны «наступление стрелковой роты, батальона и полка в условиях лесисто-болотистой местности» и «наступление пехоты за огневым валом».

По самым незначительным, но неоспоримым и важным признакам опытный танкист Степан Никифорович Стеценко угадывал приближение «часа Ч». Вот-вот – начнется...

Глава 5

Танки идут на прорыв!

И началось!

Стояла еще короткая июньская ночь, и около трех часов утра тишину белорусского леса разорвали громовые раскаты тысяч орудий. «Катюши» расчехлили свои пусковые установки реактивных снарядов. Огненные дуги протянулись к позициям гитлеровцев. Реактивные снаряды самых разных калибров и назначения перепархивали передовые линии немецких войск.

Реактивным гвардейским минометам вторили орудия и минометы различных калибров, обрушивая тонны раскаленного металла на томительно долгие минуты артобстрела.

«Молись богам войны – артиллеристам!...» – напишет и споет после войны Владимир Высоцкий. И это действительно так, начинают наступление первыми разведчики и артиллеристы.

Спели свою страшную победную песню реактивные гвардейские «катюши». С воющим свистом «эрэсы» унеслись к целям огненными кометами. Реактивные вестники Апокалипсиса потрясли в очередной раз многострадальную белорусскую землю. Яростное пламя клубилось, раскалывались мощные бетонные блоки, взрывы реактивных снарядов выворачивали немецкие траншеи, ДОТы и блиндажи наизнанку!

Но самым главным божеством в этом «артиллерийском пантеоне» были сверхмощные 203-миллиметровые гаубицы Резерва Главного Командования – «Б-4».

История этого мощнейшего оружия началась еще в январе 1926 года, когда и был разработан проект «203-миллиметровой гаубицы большой досягаемости». А первая крупнокалиберная артсистема «Б-4» была изготовлена на заводе «Большевик» в начале 1931 года. После серьезных и весьма строгих полигонных и войсковых испытаний двумя годами позже «суперпушка» была принята на вооружение Красной армии под обозначением «203-мм гаубица образца 1931 года».

Ее боевым дебютом стала Финская война 1939-1940 годов.

Сейчас, в июне 1944-го, Степан Никифорович Стеценко, сидя в открытом люке командирского «Иосифа Сталина-2», слышал ту же «музыку» орудийных залпов, что и в далеком уже сороковом. Тогда острые на язык красноармейцы окрестили сверхмощную гаубицу Страны Советов «карельским скульптором». А все из-за того, что при стрельбе по высокозащищенным финским ДОТам снаряды «Б-4» весом в добрый центнер⁵ превращали долговременные огневые точки в причудливую мешанину кусков бетона и искореженной, перекрученной металлической арматуры. Эти гаубицы своими залпами действительно «принудительно» меняли рельеф местности!

И сейчас они делали то же самое с немецкими укреплениями!

От чудовищных взрывов стокилограммовых фугасных снарядов Ф-625Д вздымались гигантские фонтаны огня, дыма и сотни килограммов земли, оставляя чудовищные воронки размером с небольшое озеро. Могучие столетние дубы вырывало с корнем, ломало кряжистые стволы, как спички, перемалывало в труху ветки. Бетонобойные снаряды Г-625Т массой до 146 килограммов, разогнанные почти двадцатью килограммами пороха, крушили купола долговременных огневых точек гитлеровцев, бронированные бункеры, сметали здания, превращенные в крепости, крушили их в кирпичную пыль! При этом сверхплотные ударные волны спрессовывали не только воздух огненным валом. Ударные волны шли даже через грунт, порож-

⁵ Кстати, послевоенный 203-миллиметровый снаряд к гаубице «Б-4» с ядерным зарядом до сих пор находится на вооружении Российской армии. Вес спецбоеприпаса – 150 килограммов, дальность стрельбы – 18 километров.

дая сейсмические удары, как при локальном землетрясении! Сама белорусская земля дрожала от ненависти и ходила ходуном, стараясь сбросить ненавистных гитлеровских оккупантов в Тартар!

Это вам за Брестскую крепость, суки!!!

* * *

А потом на прорыв пошли танки.

Взвилась над лесом зеленая ракета, рассыпая яркие изумрудные искры. Взревели летним громом сотни танковых моторов. Гвардии старший лейтенант Стеценко прикрыл люк, но на защелку его закрывать не стал – так проще выбраться из подбитой машины. Наша «броня – крепка», но в извечном ее споре со снарядами она все же иногда и уступает, особенно – броневой бойно-подкалиберному «восемь-восемь»!

Так, прочь дурные мысли! Сосредоточиться на управлении танком и вверенной гвардейской роте прорыва!

– Вперед! Вперед! Ориентиры движения: правый край леса – высотка с мельницей.

– Понятно, командир!.. – пришел сквозь грохот, рев, скрежет и лязг ответ.

Вообще-то самой мельницы и немецкого наблюдательного пункта на ней уже как бы и не было вовсе: первый же огневой налет по переднему краю окопавшихся гитлеровцев смел эту мельницу. Деревянное строение полыхнуло крыльями-лопастями, словно мотылек, попавший в костер.

После методичной и страшной артподготовки местность впереди напоминала безжизненный ландшафт какой-то чужой и страшной планеты. Огромные воронки, увалы, искрошенный бетон, искореженный металл и куски кровоточащей плоти, погребенные под всеми этими нагромождениями.

И по всему этому, перемалывая завалы стальными траками гусениц, шли стальной лавиной советские танки. Впереди неслись «тридцатьчетверки» и легкие разведывательные танки Т-70М. Отдельный гвардейский тяжелотанковый полк прорыва наступал во втором эшелоне. Передовые траншеи были перемолоты до состояния кровавой грязи, которая хлюпала под гусеницами стальной армады «Сталина».

Первую линию траншей пророснули, не встречая сопротивления. Но гвардии старший лейтенант Стеценко бдительности не терял. Знал, что гитлеровцы просто так не сдадутся. Того же Степан Никифорович требовал и от своих экипажей. Только осмотрительность могла спасти их даже лучше танковой брони толщиной в добрую сотню миллиметров.

Командир гвардейской тяжелотанковой роты вертел перископическую панораму «Мк-IV», обеспечивающую обзор на все триста шестьдесят градусов, стремясь разглядеть хоть что-нибудь более-менее ясно сквозь чадный дым и пыльную пелену на поле боя. Обзору помогала и командирская башенка с шестью смотровыми щелями с защитными бронестеклами. В принципе, тяжелый ИС-2 был не такой «подслеповатый», как основной танк Великой Отечественной – Т-34—76. Но все же что-то рассмотреть в серой пелене, висящей над полем боя, было весьма затруднительно, и это еще мягко сказано.

Механику-водителю «Иосифа Сталина-2» образца 1943 года в бою и вовсе было туго. За полем боя он мог наблюдать через смотровой прибор с триплексом, который защищался броневой заслонкой. Триплекс устанавливался в бронированном люке-пробке на лобовой бронеплите по центру. В спокойной обстановке, например на марше, сам люк-пробка выдвигался вперед, обеспечивая «мехводу» более удобный непосредственный обзор с его рабочего места. Но в бою об этом и речи быть не могло. «Глазами» механика-водителя были командир танка и наводчик. Но сейчас многотонный «Иосиф Сталин» командира роты двигался в общем стальном потоке.

Вдруг – резкий удар в левый борт!

Степан Никифорович аж зубами клацнул, едва не прикусив язык. И тут же развернул обзорный панорамный прибор, выискивая цель. Вот в серой пелене мелькнули вспышки дульного пламени, и по сторонам от танка встали фонтаны разрывов.

– Лево сорок – противотанковая батарея, «семьдесятпятки». Дистанция – восемьсот – осколочно-фугасным!

– Есть осколочно-фугасным! – Заряжающий вогнал пятнадцатикилограммовый снаряд в казенник мощной пушки, дослал туда же метательный заряд Ж-471 и закрыл затвор. – Готово!

Иван Шляхта был сыном кузнеца, коренастый, с бочкообразной грудью и бугрящимися от мышц руками. Он так же шутя жонглировал гирями, как и стальными «болванками» снарядов и латунными гильзами зарядов к ним. Воевал он с крестьянской серьезностью и сосредоточенностью, будто колхозную ниву пахал.

Наводчик четко отработал горизонтальные и вертикальные углы, электропривод разворота башни был более удобен в обращении, чем немецкая конструкция, в основе которой была гидравлика.

– Есть цель! – В перекрестье «ломающегося» телескопического прицела ТШ-17 были видны вспышки орудийного огня гитлеровцев. Уже две «тридцатьчетверки» были подбиты и дымились на поле брани.

– Огонь! – Оглушительно грохнула самая мощная в мире танковая пушка.

Взрыв 122-миллиметрового осколочно-фугасного снаряда «накрыл» артпозицию фрицев. Что сотворил с оккупантами снаряд, призванный уничтожить железобетонные ДОТы, трудно было себе вообразить!.. Дальний предок немцев, барон Мюнхгаузен, утверждал, что сумел оседлать пушечное ядро. Его потомкам много лет тому вперед – в 1944 году в Белоруссии пришлось оседлать сами пушки! Только вот мемуаров они оставить, по вполне понятным причинам, уже не могли.

А известный мемуарист, чья писательская карьера оказалась более удачливой, чем полководческая, о второй половине Великой Отечественной войны старался упоминать вскользь, лишь только «констатируя факты». Тоже – по вполне определенным причинам: ведь фельдмаршал, растерявший свои победы, не будет прославлять тех, кто «помог» ему их потерять...

– Батарея уничтожена.

– «Болванка», твою мать! Семьдесят пять миллиметров – что слону дробина... Вот это да, братцы! Повоюем! Вперед!!! Танкам вверенной мне роты – огонь вести по своему усмотрению.

Стальные монстры перли только вперед! Грохотали оглушительным громом победы их 122-миллиметровые пушки, отрывисто трещали пулеметы, скрежетали под стальными траками гусениц искореженные металлические остатки гитлеровской техники. Где-то внутри этого изуродованного металла были еще останки экипажей или орудийных расчетов... Все равно!

Огонь и смерть принесли на нашу землю гитлеровские оккупанты – огонь и смерть щедро возвращали им советские солдаты, вдоволь хлебнувшие и того и другого!

«Иосиф Сталин» командира гвардейской тяжелотанковой роты тяжело ворочал тяжеленным стволом орудия. Прямо впереди за завалом – весь заэкранированный, с панелями дополнительной брони «Панцер-IV» с длинноствольной 75-миллиметровой пушкой «7,5-cm KwK.40L/43». Длинный и тонкий, словно змея, с «набалдашником» дульного тормоза ствол орудия был хорошо заметен. И на малых и средних дистанциях танкового боя это оружие могло быть опасно даже для ИС-2. Тонкая стальная змея могла укусить смертоносными клыками из карбида вольфрама или плюнуть порцию кумулятивного, бронепрожигающего яда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.